

О ХАРАКТЕРЕ КРУЖКОВ ПЕТРАШЕВЦЕВ

В. Р. Лейкина-Свирская

Сороковые годы — время кризиса феодально-крепостнического строя в России и роста крестьянского движения — были вместе с тем годами формирования революционно-демократической идеологии. Главным историческим содержанием нового общественного течения являлась борьба с крепостничеством. Идеологи этого течения В. Г. Белинский и А. И. Герцен противопоставляли свои воззрения взглядам не только открытых крепостников, но и славянофилов. Начинался процесс преодоления ограниченности антикрепостнических стремлений, свойственной дворянской революционности.

В общественной жизни того времени на первом плане стоял вопрос о борьбе с крепостным правом. Эта общая задача сближала людей разных взглядов и направлений. Классовая разнородность этих направлений затушевывалась, глубина общественных противоречий скрадывалась общностью оппозиционных настроений. В этот период, когда «классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством», крепостничество «порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов»¹.

Сложный процесс размежевания демократизма и либерализма в 40-х годах XIX в. только намечался. Новая революционно-демократическая идеология только складывалась. Но она уже охватывала значительный слой людей. Можно спорить о степени зрелости этой идеологии, о широте охвата ею передовой интеллигенции, но

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 276.

бесспорно, что Белинский и Герцен не были одиночками, что они стояли в центре горячей общественной борьбы своего времени и имели немало сторонников, для которых революционно-демократические идеи становились уже жизненным принципом. Славянофил И. Аксаков должен был признать, что в самых глухих углах России он встречал честных людей, «последователей Белинского», готовых на самоотверженную борьбу с неправдой, то есть с существующим общественным порядком.

Для истории формирующегося лагеря революционной демократии особый интерес представляет кружок петрашевцев. Через открытые собрания кружка прошло много десятков людей. Интересы петрашевцев были систематически сосредоточены на общественно-политических вопросах. Кружок или, вернее, кружки петрашевцев не были оформленной организацией. В обстановке нарастающего демократического подъема в них втягивались весьма разнородные по степени демократизма элементы. Неоднократно обращалось внимание на «разношерстность» участников кружков, на резкие противоречия между взглядами отдельных посетителей, на наличие среди них людей, связавших себя впоследствии с реакционной идеологией. Участникам кружков петрашевцев были свойственны оппозиционные антикрепостнические настроения. Однако их нельзя считать единым идейным течением. В различии общественно-политических позиций участников кружков отражалась общественная борьба того времени, классовое и политическое деление русского общества. Среди петрашевцев были деятели, развитие которых шло в революционно-демократическом направлении, были люди, у которых складывалось либеральное мировоззрение. Среди посетителей кружков встречались и консерваторы.

До сих пор в нашей литературе имеются существенные разногласия в оценке идеологии и деятельности петрашевцев. Существование элементов различных общественно-политических течений в кругу участников собраний петрашевцев является неоспоримым фактом. Но невозможно объединить эти течения в обобщающей характеристике, как нечто единое и цельное.

Буржуазная историография принижала значение петрашевцев как представителей новой формирующейся передовой идеологии. Буржуазные исследователи не видели и не хотели видеть связь передовых идейных течений с настроениями трудящихся и угнетенных масс, а самые эти течения изображали как слабые и бесплодные. История кружков петрашевцев сводилась ими к собраниям, где собирались разношерстные посетители, которые почему-то увлекались иностранными социалистическими учениями, толковали об освобождении крестьян, об открытом суде и свободе печати и затем, невзирая на невинность этих занятий, были немилосердно наказаны правительством Николая I. Буржуазные историки изображали «дело петрашевцев» как незначительный, второстепенный эпизод в общественном движении, имеющий интерес главным образом в связи с историей литературы. Деятельность петрашевцев сводилась ими к либеральному протесту против стеснений, которым подвергалось образованное общество; революционное содержание деятельности петрашевцев отрицалось, распространение революционно-демократических настроений среди передового слоя разночинской интеллигенции игнорировалось.

Историки школы М. Н. Покровского связывали воззрения петрашевцев с классовыми интересами. Но они видели в петрашевцах только представителей интересов развивающегося в России капитализма, не отличая формирующейся революционно-демократической идеологии от либерализма. Они расценивали русских революционных демократов с вульгарно-социологической точки зрения как представителей мелкобуржуазной интеллигенции, идеология которой определялась ее субъективно групповыми интересами². В ряде работ выдвигались на первый план и преувеличивались реформистские тенденции в воззрениях петрашевцев³.

Трудность выработки обобщающей характеристики петрашевцев способствовала широкому распространению описательной концепции, согласно которой петрашевцы делились на два «крыла»: левое и правое, радикальное и либеральное. При этом не учитывалась далеко не равная значимость того и другого «крыла», а также преувеличивались четкость и оформленность противопоставляемых друг другу идейных групп.

² См. Л. Райский. Социальные воззрения петрашевцев. Л. 1927.

³ См. предисловие к первому тому «Дела петрашевцев». М.-Л. 1937; Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. М.-Л. 1936.

Ряд исследователей видел в кружке петрашевцев «тайную противоправительственную организацию»⁴, чего не было в действительности.

В истории кружков петрашевцев важно выделить те ростки нового, которые отличали их от их предшественников и которые получили дальнейшее плодотворное развитие на новом, разночинском этапе освободительного движения. Советские историки сделали большой шаг вперед, не только отказавшись от недооценки исторического значения петрашевцев, но и выделив наиболее важные, основные черты, определяющие общественное лицо кружков петрашевцев, охарактеризовав петрашевцев как представителей развивающегося революционно-демократического направления общественной мысли. На эту позицию стали составители учебника «Истории СССР». Эта позиция была четко обоснована А. С. Нифонтовым, который, доказывая, что революционно-демократическое течение в 40-х годах начало принимать массовый характер, определил петрашевцев как революционных демократов (он оговаривает: «часть петрашевцев», — понимая под этим не всех причастных к кружкам), стремившихся к свержению самодержавно-крепостнического строя и ориентировавшихся на активное участие народа в революции. А. С. Нифонтов предложил «считать петрашевцами» не только таких исторически связанных с их делом людей, как В. Милютин, М. Салтыков, Н. Г. Чернышевский, но и «многих других их единомышленников»⁵. На подобной же точке зрения стоит Н. Павлович⁶. А. С. Нифонтов правильно связал характеристику петрашевцев с широким распространением революционно-демократических идей. Эту связь недооценивают те исследователи, которые изображают некоторых петрашевцев законченными революционными демократами, обходя противоречия формирующейся новой идеологии.

Стремясь отделить революционных демократов от «либеральных посетителей» кружков, некоторые исследователи признают «петрашевцами в полном смысле слова» только небольшое «революционно-демократическое ядро», сгруппировавшееся вокруг Петрашевского⁷. Они этим суживают ту социальную базу, на которой выросло движение. Изображая некоторых петрашевцев последовательными революционными демократами, Ф. Г. Никитина и В. Е. Евграфов⁸ грешат против исторической действительности: они придают завершённую форму тому, что находилось еще в процессе становления. Вследствие этого изображаемые ими деятели выглядят как одиночки, изолируются от складывавшегося тогда революционно-демократического лагеря, со всеми его слабостями и ошибками.

Деятельность петрашевцев развертывалась в период перехода от дворянского этапа революционного движения к этапу буржуазно-демократическому. Петрашевцев уже нельзя причислить к дворянским революционерам, но тот слой демократической разночинской интеллигенции, к которому они принадлежали по своему социальному положению, еще в многом отличался от тех разночинцев, которые «полностью» вытеснили дворян в освободительном движении на его буржуазно-демократическом этапе. В. И. Ленин, определяя главные этапы освободительного движения в России — дворянский, разночинский, или буржуазно-демократический, и пролетарский, — соот-

⁴ См. Е. Покровская. Достоевский и петрашевцы. Сборник «Достоевский. Статьи и материалы». Пгр. 1922; А. С. Долинин. Достоевский среди петрашевцев. Сборник «Звенья». Т. VI. 1936; В. Я. Кирпотин. Молодой Достоевский. М. 1947; В. В. Жданов. Поэзия в кружке петрашевцев. Сборник «Поэты-петрашевцы». Л. 1940.

⁵ А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году. М. 1949, стр. 165.

⁶ Н. Павлович. Влияние Белинского на формирование общественно-политических взглядов передовой молодежи сороковых годов XIX в. Кандидатская диссертация. М. 1952.

⁷ Ф. Никитина. Общественно-политические и философские взгляды М. В. Буташевича-Петрашевского. Сборник статей «Из истории русской философии XVIII—XIX веков». М. 1952, стр. 172.

⁸ В. Е. Евграфов. Социально-политические и философские взгляды петрашевцев. Сборник «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». Госполитиздат. 1953; Ф. Г. Никитина. Революционный демократизм М. В. Петрашевского. «Ученые записки» Московского областного педагогического института. Т. 23. Труды кафедры философии. Вып. I. М. 1954.

ветственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на освободительное движение, учитывал также значение переходных, промежуточных периодов между главными этапами, когда происходило накопление новых сил, предварявшее и подготавливавшее новый этап. Значение этих подготовительных периодов В. И. Ленин подчеркнул характеристикой Белинского, называя его «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении... еще при крепостном праве»⁹. Подготовителями нового этапа освободительного движения в России были в 40-х годах петрашевцы.

Кружки петрашевцев следует рассматривать как явление, связанное с формированием революционно-демократического лагеря. Взгляды и деятельность большинства петрашевцев отражали появление нового идейного течения. Но они не обладали еще законченной, готовой, отвечающей на все насущные вопросы теорией. Петрашевцы еще искали правильное мировоззрение, учились, жадно впитывая все передовое, что было в тогдашней русской и иностранной литературе. Разработка ответов на поставленные русской жизнью вопросы шла путем столкновения мнений и противоположных решений, путем споров, заострявших разногласия и способствовавших уточнению общественно-политических позиций противников.

Формирование нового общественного лагеря было связано также с постановкой ряда организационных задач. Петрашевцы делали первые шаги по сплочению сторонников нового мировоззрения. Они стремились нести пропаганду передовых идей в окружающую среду. Ими ставились проблемы революционной организации. Огромный интерес представляет вопрос о том, как передовая идеология, овладевая широкими слоями демократической интеллигенции, направляла ее общественное поведение, становилась силой общественного развития. В этом отношении история петрашевцев дает обильный материал.

Признавая ряд петрашевцев представителями складывавшегося в 40-х годах лагеря революционной демократии, мы обращаем свое основное внимание на высказывания тех деятелей, чье развитие наиболее характерно для этого течения. Либеральное направление не играло решающей роли в кружках петрашевцев, хотя формирующийся революционно-демократический лагерь и не был свободен от либеральных иллюзий. Петрашевцы не выработали каких-либо программных документов, закреплявших их политические позиции. Но известные нам источники: статьи «Карманного словаря»¹⁰, личные записки Петрашевского, Момбелли, Ахшарумова и других, сведения о политической пропаганде, которая велась в кружках и вне кружков, — свидетельствуют о наличии у ряда петрашевцев определенного политического мировоззрения, отражавшего уровень передовой политической мысли 40-х годов. Эта мысль продолжала республиканскую традицию декабристов в условиях углубления классовой борьбы в стране.

Петрашевцы стремились разоблачить реакционный миф о единении царя с народом, внушаемый реакционной официальной идеологией. «Правление в России есть самое нечеловечное правление»¹¹, — утверждал Петрашевский. Петрашевцы ясно видели лживость политической надстройки, державшейся обманом и запугиванием масс. Петрашевцы пропагандировали уничтожение абсолютизма, введение демократической конституции, открытого судопроизводства, свободу печати. Признавая известную прогрессивность конституционной монархии по сравнению с абсолютизмом, они допускали ее лишь как переходное состояние на пути к демократическому строю. Учитывая монархические настроения крестьянства, Ахшарумов считал возможным временное сохранение фикции монархической власти даже в демократической конституции. Петрашевский, Момбелли, Ястржембский и другие осуждали внешнюю политику царизма — жандарма Европы и оплота международной реакции — и предвидели грядущее

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 223.

¹⁰ М. В. Буташевич-Петрашевский. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Выпуск второй. Сборник «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев».

¹¹ Филиал Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде (ЦГВИАЛ), ф. 9, № 55, 1849 г., ч. 1, л. 10 об.

военное столкновение крепостнической России с капиталистическими странами. Они были против колониальных устремлений царизма, против его захватнических действий на Кавказе, считали вредной и опасной для России политику национального угнетения, особенно по отношению к недавно включенным в состав Российской империи Финляндии и Польше. Петрашевский, Толстов, Момбелли и другие видели в самодержавном строе непосредственную причину бедности России, ее постоянного финансового кризиса, ее задолженности иностранным банкирам. Экономическая политика царизма мешала, по их мнению, прогрессивному развитию промышленности, вызывала утечку золота за границу, создавала трудности промышленного кредита.

Петрашевцев особенно возмущала организация царской армии, в которой «нижние чины» были бесправной массой, а жизнь и здоровье солдата ничего не стоили. В дневнике петрашевца Момбелли сохранилось потрясающее описание наказания фельдфебеля шпицрутенами. Момбелли сознавал, что и офицерская служба, которая «в самое короткое время страшным образом разрушает здоровье, останавливает и притупляет умственные способности, истощает карман», не приносит никому никакой пользы — «ни отечеству, ни человечеству, ни ближним». Петрашевцы выступали с требованием демократизации армии.

Обличительная пропаганда петрашевцев была по царской бюрократии. Демократы 40-х годов стремились к разрушению авторитета власти, воспитывали отвращение и ненависть к политическому режиму самодержавия и рассматривали отдельные отрицательные факты как элементы общественной системы, которую необходимо разрушить. Петрашевцы видели в крепостной России отсутствие законности и полное бесправие народа. «Справедливость есть общая нужда и потребность всех сословий, — писал Петрашевский в своих показаниях. — Справедливость в жизни общественной — то же, что воздух в природе»¹². Петрашевцы ненавидели политическую полицию царизма, требовали открытого, гласного суда. «Тайно, в комнате запершись, стыдно, грешно и подло производить суд на человека. Это вещь святая, касающаяся общего блага, и незачем ее скрывать»¹³, — писал Ахшарумов.

Петрашевский был горячим пропагандистом суда присяжных, в котором он видел форму демократического судопроизводства, охраняющего интересы общества. В суде присяжных, по его мнению, преступник находит представителей общества — «публику», «старшуюся в нем оправдать человека и обвинить обстоятельства»¹⁴, вовлекшие его в преступление. Суд присяжных, по мнению Петрашевского, давал обществу возможность распознавать и осознавать новые потребности развития, выражаемые передовыми деятелями и подавляемые реакционной властью как политическое преступление. Общество, думал он, не только не должно считать преступником человека, борющегося за улучшение общественного строя, но должно чтить его подвиг.

Петрашевцы противопоставляли централизованной бюрократической машине демократический идеал «гражданственности», свободной и самоуправляющейся общественности. Политический деятель представлялся Петрашевскому как оратор, трибун, защитник интересов народа. Ораторство — «это благоуханнейший и полезнейший плод общественности, общезнательности и публичности», — писал Петрашевский. Он понимал, что крупные общественные деятели выдвигаются событиями великой общественной борьбы, что появление великого оратора-трибуна, «глашатая истины и нужд общественных», связано с глубокими общественными движениями, с революциями, с часами «великих потрясений, переворотов, торжеств или бедствий общественных»¹⁵.

Петрашевский проводил различие «между социальной свободой и свободой политической», указывая, что «первая состоит в законном требовании человеческой природы, а вторая ограничивается законами положительными»¹⁶. Принцип буржуазного либерализма — невмешательство государственной власти в социальные взаимоотношения людей — осуждался передовой мыслью 40-х годов как фальшивая маскировка прямых классовых интересов буржуазии. Об этом писал В. Милютин, связывая успех вульгарного экономиста Сейя у французской буржуазии с тем, что Сей безусловно отрицал

¹² «Дело петрашевцев». Т. I, стр. 124.

¹³ «Дело петрашевцев». Т. III. М.-Л. 1951, стр. 96

¹⁴ Там же, стр. 425.

¹⁵ М. В. Б у т а ш е в и ч - П е т р а ш е в с к и й. Указ. соч., стр. 321, 323.

¹⁶ Филиал ЦГВИАЛ, ф. 9, № 55, 1849 г., ч. 37, л. 10 Показание А. Барановского

обязанности общественной власти относительно материальных интересов народа. Петрашевцы, как все утопические социалисты, разделяли идею о необходимости при новом социальном порядке выполнения общественной властью экономических функций, направленных к материальному благосостоянию трудящихся. В бумагах Спешнева имелось «рассуждение о том, что социализм не есть новая политическая экономия, а новая политика или наука об обязанностях правительства и правах членов общества, называемого государством».

Отношение передовой интеллигенции 40-х годов к крепостному праву отражало неудержимое стремление миллионных крестьянских масс выйти «на волю», стать хозяевами своего труда и своей земли. В обстановке растущего сопротивления крестьян крепостнической эксплуатации в демократическом лагере вырабатывался новый принцип аграрной программы — передача крестьянам всей обрабатываемой ими земли без выкупа. Петрашевцы говорили, что «если правительство освободит крестьян, не дав им земли в собственность, то это необходимо тотчас же образует у нас огромный класс пролетариев, более многочисленный, чем в государствах Западной Европы»¹⁷, что «освобождение крестьян должно совершиться с землей, а не без земли; в последнем случае освобождение не будет благодеянием для них»¹⁸. Опубликованный недавно полностью проект Петрашевского об освобождении крестьян ставит этот вопрос прямо и последовательно. Самым простым и справедливым способом освобождения крестьян Петрашевский объявлял «прямое, безусловное освобождение их с тою землею, которая ими была обрабатываема, без всякого вознаграждения за то помещика».

В. Е. Евграфов ошибается, утверждая, что Петрашевский имел в виду отобрание у помещиков подавляющей части земли, обрабатываемой крестьянами, в том числе и барщинной¹⁹. Несомненно, Петрашевский имел в виду не барщинную, а крестьянскую общинную землю. Он ясно говорит, что «при сем разделе на долю помещиков придется хорошая, чуть не львиная часть. Ибо в пользу их останутся те поля, кои не нужны для пропитания освобожденных крестьян»²⁰.

Нельзя игнорировать, как это делают некоторые исследователи, и другой документ Петрашевского — его литографированную записку «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений». В этой записке, предназначенной для дворянского собрания, Петрашевский выступил с планом постепенного освобождения крестьян, не зависящего от воли царского правительства и от согласия помещиков. Он писал, что дворянам выгодно продавать свои имения купечеству. Но так как русская буржуазия не имела прав на владение крепостными, то при этом крестьяне должны были переходить в разряд «обязанных», то есть лично свободных, несущих повинности за землю. Крестьяне могли бы также, по его мнению, использовать незадолго до того изданный указ о праве выкупаться на волю с землей при продаже дворянских имений за долги. Этот план отражает реформистские иллюзии Петрашевского. Он свидетельствует о незавершенности и неформальности революционно-демократической аграрной программы в 40-х годах. В то же время этот план был смелой практической попыткой поставить на легальное обсуждение запрещенный крестьянский вопрос. Есть основания думать, что Петрашевский рассчитывал на поддержку некоторой части дворянства.

Убеждаясь на опыте, что от правительства Николая I нечего ожидать освобождения крестьян, передовые люди 40-х годов постепенно приходили к мысли о необходимости насильственного уничтожения крепостничества самим народом. «Всего один вопрос в России представит повод к народному восстанию, именно крепостной вопрос»²¹, — говорил Спешнев. В отличие от декабристов петрашевцы сочувственно относились к крестьянской революции, жадно следя за признаками революционных настроений в народе. В своем дневнике Момбелли высказывает мысль о возможности объединения крестьянских выступлений на Украине, на Дону. В беседе с бывшим исправником Черновитовым Спешнев и Петрашевский обсуждали план ожидаемого восстания, о котором предполагался, с учетом исторического опыта пугачевского движения, за-

¹⁷ «Дело петрашевцев». Т. II. М.-Л. 1941, стр. 426. Показание К. Тимковского.

¹⁸ Филнал ЦГВИАЛ, ф. 9, № 55, ч. 47, л. 61. Показание Д. Кропотова.

¹⁹ См. «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР». Т. I. М. 1955, стр. 556.

²⁰ М. В. Буташев и ч-Петрашевский. Указ. соч., стр. 364.

²¹ «Дело петрашевцев». Т. I, стр. 488.

водской Урал. Предполагалось, что в движение будут вовлечены крестьяне Сибири, Поволжья, Дона, Украины, население обеих столиц. Петрашевец А. Ханьков говорил студенту Н. Г. Чернышевскому «о возможности и близости у нас революции», показывал ему «множество элементов возмущения», утверждая, что революции «может быть, недолго дожидаться»²².

Петрашевцы, так же как и декабристы, признавали революционный переворот необходимым и благотворным. Но в отличие от декабристов, учитывая опыт восстания 1825 г., петрашевцы критиковали заговорщицкую тактику декабристов и высказывались за восстание с участием народных масс. Петрашевский считал первым условием успеха, чтобы идея революции овладела большинством народа. «Главная цель состоит в том, чтобы идеи и желания укоренились в массах народа, а когда будет чего желать целый народ, тогда против него ничего не может войско»²³,— говорил Петрашевский.

В недавно найденной в архиве Герцена «Записке о деле петрашевцев», написанной Ф. Львовым при участии Петрашевского в Сибири в 1859—1860 гг., переданы слова Петрашевского по поводу речи К. Тимковского, понятой как призыв выходить «на площадь». «Увлечь на площадь сотню, тысячу пылкой молодежи легко,— говорил Петрашевский,— но к чему бы это послужило? Их перестреляли бы картечью или повесили бы не только без всякой пользы для дела, которого они хотели быть защитниками, но и во вред ему»²⁴.

Но, отрицая пользу выступления, подобного выступлению декабристов, Петрашевский, Ахшарумов и другие не видели также возможности победы восставших народных масс в реальной обстановке своего времени. Они учитывали исторический пример поражения крестьянского восстания под руководством Пугачева. Различная оценка перспектив победы крестьянского восстания лежала в основе разногласий петрашевцев по поводу практических методов борьбы.

В спорах с Головинским в апреле 1849 г. Петрашевский выдвигал на первый план борьбу за судебную реформу, считая, что открытый суд и равноправие перед законом ускорят уничтожение крепостничества. Он не считал целесообразным поднимать крестьянство против помещиков в таких условиях, когда перевес сил был на стороне помещичьего государства, опасаясь, что в случае поражения крестьян последует такое усиление реакции, которое надолго закроет возможность дальнейшей борьбы. Петрашевский говорил, что «нельзя предпринимать никакого восстания, не будучи вполне уверенным в совершенном успехе, что в нынешнее время и невозможно»²⁵. Из этих слов Петрашевского нельзя делать вывод, будто бы он был против всяких революционных методов борьбы. Проповедуя в письме к Тимковскому, что пропагандист революционных идей должен обладать терпением, выдержкой, Петрашевский не отказывался от революционных методов. Он ставил важнейшей задачей подготовку сознания народных масс к борьбе против гнетущего общественного порядка.

Но Головинский, Слешнев и некоторые другие петрашевцы думали, что крепостные крестьяне подготовлены к восстанию своим невыносимым положением, и ставили прямо вопрос о поддержке этого неизбежного, по их мнению, в ближайшем будущем восстания. Они принимали грядущую революцию как справедливое воздаяние господствующему классу и становились на сторону будущего лагеря восставших. Взгляды ряда петрашевцев обобщил П. Филиппов, прямо заявив в своих показаниях, что «они оправдывали бунт»²⁶.

В исторических условиях 40-х годов петрашевцы поставили вопрос о подготовке народного восстания, хотя, конечно, не могли решить его. Петрашевцы осознали необходимость создания нелегальной революционной организации для подготовки пропагандистов и ведения революционной пропаганды в широких демократических кругах. Петрашевец Ф. Толь говорил Антонелли, что «цель их — приготовить способных людей на случай какой-нибудь революции, чтобы при избрании нового рода правления не было недоразумений и различия мнений, но чтобы большая часть уже были согласными в

²² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. I. М. 1939, стр. 196.

²³ «Дело петрашевцев». Т. III, стр. 409.

²⁴ «Записка о деле петрашевцев» Ф. Львова публикуется в № 63 «Литературного наследства».

²⁵ «Дело петрашевцев». Т. III, стр. 435.

²⁶ «Петрашевцы». Т. III. М.-Л. 1928, стр. 193.

общих началах. И, наконец, готовить массы к восприятию всяких перемен»²⁷. Петрашевцы пытались найти наиболее восприимчивые к революционной пропаганде слои общества. У них были обширные связи с учащейся молодежью, с учительской средой. Весьма благоприятной средой для революционной пропаганды представлялся петрашевцам «средний класс» — ремесленники, артельщики, мелкие торговцы, мелко-буржуазные городские слои.

Некоторые петрашевцы подходили к пониманию необходимости непосредственной революционной агитации в крестьянстве. Ахшарумов размышлял о том, как встречаться и говорить с людьми из народа, разъясняя им политическое положение и революционную тактику. «Знаю только то,— писал он,— что все зависит от народа, без них мы не подвинемся, не уйдем вперед; нам надо короче узнать наш народ и сблизиться с ним»²⁸. Он считал нужным внушить народу сознание своей силы по отношению к дворянам. Петрашевцы, как и Герцен, считали восприимчивой к революционной агитации среду раскольников, которые подвергались преследованиям правительства и православной церкви и должны были, по мнению Петрашевского, ненавидеть «настоящий быт общественный» и являться «элементом, всегда готовым в русском обществе для ужасной *Jaquegie*» (*Жакерии*), как во времена Пугачева.

Солдатская среда также казалась петрашевцам способной, по условиям своей тяжелой жизни, к восприятию революционных идей.

Петрашевцы искали форм революционной конспиративной организации. Над этим думали Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Ахшарумов, Толстов, Филиппов и другие. Группа петрашевцев заинтересовалась замыслом Момбелли, который мечтал о «товариществе взаимной помощи» для тайной поддержки друг друга участниками этого сообщества. На совещаниях, происходивших в декабре 1848 — январе 1849 г., Спешнев предложил создать тайную организацию, объединяющую три способа «внеправительственного» действия: иезуитский, пропагандный и революционный — «восстанием». Программой общества признавалось «восстание», то есть уничтожение самодержавия и крепостничества, но допускалось существование различных методов политической борьбы.

Н. А. Спешнев, как это явствует из его писем к К. Э. Хоецкому, вынашивал идею о возможности и целесообразности «коалиции разных партий для временных согласованных действий»²⁹, о соединении общественных элементов, отличающихся друг от друга по своим политическим убеждениям, ради достижения некоторых идентичных целей. Составляя тайную группу для организации нелегальной типографии, Спешнев привлек в нее наряду с людьми демократического мировоззрения, как Момбелли, Григорьев, Филиппов, Мордвинов, Вл. Милютин, также и таких, как Ф. М. Достоевский и далекий от политики А. Н. Майков³⁰.

Создание тайного типографского станка являлось частью замысла, возникшего в кружке Дурова, — организовать политические обличения самодержавия. Этот замысел получил оформление в нескольких агитационных произведениях, из которых до нас дошли «Солдатская беседа» Н. Григорьева и неоконченная статья «Десять заповедей» П. Филиппова. Эти произведения были рассчитаны на народную аудиторию, в них содержались прямые призывы к борьбе с помещиками и с помещичьим правительством. Образцом обличительных сочинений петрашевцам служил острый памфлет Герцена «Москва и Петербург», обошедший в 40-х годах в рукописных списках русское общество. Когда же петрашевцы в апреле 1849 г. познакомились с таким замечательным произведением революционной публицистики, как письмо Белинского Гоголю, они всеми средствами стремились размножить и распространить его.

Формирующийся в России революционный демократизм был тесно связан с западноевропейской домарксовской социалистической мыслью. Ленин датировал существование «социалистической интеллигенции» в России «начиная от кружка петрашевцев, при-

²⁷ «Дело петрашевцев». Т. III, стр. 428.

²⁸ Там же, стр. 103.

²⁹ Н. А. Спешнев. Письма к К. Э. Хоецкому. Сборник «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 492

³⁰ Документ, в котором, со слов А. Н. Майкова, впервые раскрывается точный состав спешневской группы для организации тайной типографии, будет опубликован в «Литературном наследстве».

мерно»³¹. Петрашевцам были близки социалистические теории Запада, и многие из них открыто признавали себя социалистами. Петрашевский гордился тем, что он был «старейшим пропагатором социализма» в России. И это не было случайным. Демократические требования уничтожения крепостного рабства, сословного неравенства, реакционного политического режима сливались с мечтами и предвидениями о справедливом общественном строе, в котором каждому человеку будет обеспечено не только правовое равенство с другими, но действительное развитие, довольство, счастье.

Интерес петрашевцев к социалистическим теориям отражал насущную потребность русского общества в решении социальных вопросов, которые ставились развитием России в эпоху кризиса феодально-крепостнического строя. Закономерная связь русского освободительного движения с передовой зарубежной мыслью истолковывалась дореволюционной буржуазной историографией как слепое заимствование чужих, наносных, книжных учений, оторванных от жизненных интересов русского общества. О петрашевцах писали, будто бы они «ничего иного не желали, как фурьеризировать Россию, и нисколько не интересовались ни ее экономическим прошлым, ни настоящим»³². В работах К. А. Пажитнова и П. Н. Сакулина³³ история социалистических идей рассматривалась в отрыве от породивших эти идеи общественно-экономических и политических условий России. Некоторые исследователи видели в утопическом социализме петрашевцев не более, как заимствование худших реформистских и оппортунистических тенденций западноевропейского мелкобуржуазного социализма.

Попытка связать влияние западноевропейского критически-утопического социализма с антикрепостнической борьбой в России была сделана И. Г. Блюминым, И. И. Зильберфарбом. Оговариваясь, что в России «никогда не было фурьеризма как социальной школы и как общественного движения», И. И. Зильберфарб утверждал, что «русский фурьеризм» был своеобразным выражением антикрепостнических устремлений одной из групп передовой интеллигенции. Он правильно отмечал, что социальная философия Фурье и отдельные положения его учения, будучи своеобразно восприняты и интерпретированы в России 30—40-х годов XIX в., содействовали процессу кристаллизации различных направлений русской общественной мысли, самостоятельно бившейся над проблемами российской действительности³⁴. Однако попытка И. И. Зильберфарба построить классификацию различных направлений в среде петрашевцев не по принципу классового содержания этих направлений, а по принципу их отношения к системе Фурье была явно несостоятельной.

Революционно-демократическое направление общественной мысли в России осваивало передовые идеи великих утопистов Запада. В то же время некоторые экономические идеи Фурье использовались консерваторами, хотевшими «сообщением» помещиков и крестьян обеспечить классовый мир в крепостной деревне. К таким «фурьеристам» принадлежали А. Беклемишев и Н. Данилевский, в известной мере причастные к кружку Петрашевского. В. Е. Евграфов утверждает по этому поводу, что социалистическая мысль в среде петрашевцев развивалась в двух главных формах: критически-утопического в своей сущности крестьянского социализма и феодального социализма³⁵. Но, разумеется, помещичья интерпретация фурьеризма никак не может характеризовать социалистические устремления развивающегося революционно-демократического лагеря.

Отметим основные социалистические идеи петрашевцев. Учение великих утопистов, провозгласивших необходимость и возможность неограниченного удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, направлялось ими против общественных отношений, закрепощавших народные массы. Петрашевцы широко пропагандировали идею, что всякое существо имеет свое назначение, которое «состоит в полном развитии его свойств — это составляет его счастье»³⁶. «Истинное призвание челове-

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 7, стр. 26.

³² В. Святловский. Фурьеризм в России. Петрашевцы. Сборник «К истории политической экономии и статистики в России». СПб. 1906, стр. 79.

³³ К. А. Пажитнов. Развитие социалистических идей в России. Изд. 2-е. Пгр. 1924; П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм. Ч. I. 2-е изд. М. 1924.

³⁴ И. И. Зильберфарб. Идеи Фурье в России в 30—40-х годах XIX века. «Исторические записки». Т. 27. 1948, стр. 246, 265.

³⁵ См. «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР». Т. I, стр. 572—573.

³⁶ «Дело петрашевцев». Т. I, стр. 119. Показание Петрашевского.

чества, — писал Милютин, — заключается в непрерывном стремлении к счастью, к блаженству, к развитию своего благосостояния в физическом, материальном, умственном и нравственном отношениях»³⁸.

Социалистический идеал человеческого счастья включал в человеческий «эгоизм» не только стремление к личному благополучию, но и стремление каждого содействовать благосостоянию всего общества, всех его членов. Петрашевцы выступали в защиту человеческой личности в ее борьбе с обществом и государством. Они признавали «нормально развитым» лишь то общество, которое свободно от антагонизма между личностью и коллективом, которое доставляет каждому своему члену «средства для удовлетворения их нужд пропорционально потребностям».

Петрашевцы утверждали, что для социального преобразования общества необходима основа крупной промышленности. Петрашевский полагал, что «бедность не оттого происходит, собственно, что есть богатые, а оттого, что в человечестве еще до сих пор производится менее ценностей, нежели сколько того общественные потребности требуют», что необходимо «скопление больших капиталов для изобретений и движения промышленности»³⁹. «Для рабочих классов, — писал Милютин, — не могут быть вредными ни развитие промышленности, ни все те явления, которые составляют необходимое условие для ее успехов»⁴⁰.

Передовые люди 40-х годов хорошо понимали огромную преобразующую и созидательную силу общественного труда, увлекались величественными картинами будущего, когда человек овладеет силами природы и поставит их на службу обществу и когда могучие силы производства будут служить не обогащению единиц и порабощению масс, а благосостоянию всех в качестве общественной собственности. Русские социалисты высоко ценили учение великого утописта Ш. Фурье, который видел задачу нового общественного устройства в повышении производительности труда путем новой организации труда, то есть путем изменения производственных отношений и превращения их из эксплуататорских в «товарищеские», на основе общественной собственности на средства производства.

Русские передовые люди 40-х годов были убеждены в том, что человечество идет вперед, что несовершенное и антагонистическое устройство общества является переходящим и должно смениться другим, гармоническим порядком, «золотым веком», в котором восторжествуют братские отношения, соответствующие свойствам человеческой природы. Петрашевцы видели в жизни общества непрерывный процесс развития. Петрашевский утверждал, что непрерывное преобразование внешних форм есть необходимое явление «жизни всего в природе» и что в обществе это развитие идет по пути «преобразования всякого общественного быта соответствующим требованиям природы человека»⁴¹.

Но процесс общественного развития представлялся петрашевцам не в виде прямолинейного бесконечного прогресса, а в виде последовательно сменяющихся противоположных этапов. Они разделяли социологическую теорию Фурье, заключающуюся в том, что историческое развитие идет в форме закономерной смены различных эпох или ступеней, причем каждая из них проходит свой период роста и упадка. Вера в прогрессивное развитие человечества не мешала революционным демократам 40-х годов видеть противоречивость буржуазной цивилизации. Известно, что это являлось важнейшим достижением домарковского социализма. Петрашевцы видели «враждебность отношений», господствовавших в капиталистической промышленности, где царил «борьба капиталов против капиталов», «пожрание большими капиталами или капиталистами маленьких, принесение личности человека в жертву капиталу», «анархия совершенная». «Мы видим совершенную нищету, — писал Петрашевский, — отсутствие возможности удовлетворить первым нуждам при совершенном обилии средств к этому. Видим голод при урожае; дороговизну товара при существенной его дешевизне»⁴². Внимание передовых людей 40-х годов приковывала проблема обнищания рабочих классов — пауперизма — в связи с перспективой появления в России «проле-

³⁸ В. А. Милютин. Избранные произведения. Госполитиздат. 1946, стр. 70.

³⁹ «Дело петрашевцев». Т. I, стр. 93.

⁴⁰ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 185.

⁴¹ М. В. Буташевич-Петрашевский. Указ. соч., стр. 190.

⁴² «Дело петрашевцев». Т. I, стр. 91—92.

тариатства» после ликвидации крепостничества. Вопрос о пролетариате был впервые в русской печати подробно освещен В. Милютиным на материале положения рабочих в Англии и во Франции в его статьях 1847 года. Он познакомил русского читателя с положением ирландских безземельных арендаторов, судьба которых угрожала русским крепостным крестьянам в случае их безземельного освобождения.

Русские утопические социалисты, как и утопические социалисты Запада, считали, что разрешение общественных вопросов зависит от мнений и желаний людей, от «преобразования экономического устройства сообразно с требованиями разума и общей пользы»⁴³. Вместе с тем они проявляли критическое отношение к утопическим теориям, требуя, чтобы теория общественного преобразования в методах своего осуществления опиралась на действительность. В. Милютин поставил важнейшую проблему о превращении утопии в науку. В русских исторических условиях на первом плане стояла задача уничтожения крепостничества, встречавшая огромное противодействие со стороны помещиков и крепостнического государства. Это отклоняло демократическую мысль от фантастических иллюзий о легкости борьбы за новое, от надежд на сочувствие преобразованиям со стороны имущих классов. Русские демократы жадно следили за проявлениями революционного протеста народных масс, понимая необходимость и неизбежность революционной борьбы за переустройство общества.

Вследствие отсталости общественного строя крепостной России проблема превращения социализма в реальную действительность не могла быть разрешена русской общественной мыслью не только в 40-х годах, но и много позже. Петрашевцы представляли классовую борьбу угнетенных и эксплуатируемых как закономерное явление в обществе, построенном на классовом угнетении. Эта борьба была, по словам Милютина, показателем жизненных сил общества, признаком «не распада, а жизни», доказывающим «не гнилость общества, а напротив, его зрелость, его свежесть, его силу». Они понимали, что никакие усилия не спасут старое общество от гибели. Но в тогдашней России они не могли увидеть исторической роли пролетариата, понять, что социализм может стать действительностью лишь в результате длительной и упорной борьбы и победы рабочего класса.

Утопический социализм в России 40-х годов неизбежно принимал политический характер, сочетался с признанием необходимости революционной борьбы. Петрашевцы устроили в день рождения Ш. Фурье, 7 апреля 1849 г., «обед социалистов», на котором провозгласили необходимость уничтожить старый мир рабского проклятого труда и построить счастливое, цветущее изобилием социалистическое общество. «Мы здесь в нашей стране начнем преобразование, а кончит его вся земля», — заявлял Ахшарумов в своей речи. Петрашевцы выражали этим свое согласие с идеями утопического социализма о преобразовании мира, о замене эксплуататорских отношений товарищесственной ассоциацией и организацией коллективного труда на основе общественной собственности. Вместе с тем они не забывали, что пропаганда социализма в крепостной России не может быть отделена от борьбы за политическую свободу. Тот же Ахшарумов признавал, что для успеха социалистического преобразования общества нужен политический переворот, необходимо добиться правительства, «терпящего нововведения». Петрашевский на «обеде социалистов» напоминал о необходимости соединить социальную пропаганду с политической.

Петрашевцы внесли своей деятельностью большой вклад в формирование революционно-демократического лагеря. Идеи Белинского, Герцена, петрашевцев были усвоены и развиты дальше поколением революционеров-разночинцев, во главе которого стоял Н. Г. Чернышевский.

⁴³ В. А. Милютин. Указ. соч., стр. 379.